

евского: типологические черты и тематические группы; *Дж. Ревелли* (Университет г. Генуя) – *Катастрофичность и фантастико-утопические рассказы в русском символизме: Валерий Брюсов*; *M. Sabbatini* (Università di Macerata) – *L'antiutopia nella lingua poetica di V. Krivulin e S. Stratanovskij*.

Третий раздел tvoří dva příspěvky – *S. Stipčević* (Univerzitet u Bariju) – *Srbska književnost i srpski jezik u svjetlu italijanske književne istoriografije*; *G. Dell'Agata* (Università di Pisa) – *Le riviste slavistiche italiane tra le due guerre mondiali*.

Podstatnou součástí této reprezentativní publikace o rozsahu 580 stran a podle mého soudu jejím velkým pozitivem je rovněž *Bibliografia della slavistica italiana (2003–2007)*, pečlivě sestavená a uspořádaná *G. Mazzitelli*.

Svým charakterem je předložený sborník podnětným souborem studií a je nesporně určen především domácím a zahraničním slavistům-odborníkům a vědcům, ale zajisté najde své příznivce i v řadách širší veřejnosti a ostatních zájemců o nastolenou slavistickou problematiku.

Je nepochybné, že se jedná o hodnotnou publikaci, kterou vysoce oceňuji. Přináší systematicky a přehledně utříděný materiál, který svým charakterem, pojetím a tematikou nejen nabízí mnoho otázek a vyvolává řadu reflexí, ale zároveň si doslova vyžaduje další komentáře a podněcuje k následným diskusím o současném stavu a budoucím směřování evropské slavistiky.

Zdeňka Matyušová

О новом двухтомнике Ирины Захариевой

Захариева, И.: Русские поэты XX века: феноменальные эстетические структуры (проблематика русской поэзии XX века). София 2007.

Захариева, И.: Аспекты формирования канона в русской литературе XX века. София 2008.

Перед нами две книги литературоведа-русиста Ирины Захариевой *Русские поэты XX века: феноменальные эстетические структуры (проблематика русской поэзии XX века)*, 2007, и *Аспекты формирования канона в русской литературе XX века*, 2008, вышедшие в издательстве, выпускающем книги на иностранных языках, HERON PRESS (г. София). Рецензируемые книги связаны с существованием русского литературного канона, развившегося на русской почве в течение XX века посредством создания креативных моделей выразителей образного мышления. Первая из названных книг – исследование поэзии, а предмет второй – проза.

В первой книге объектом изучения становятся как известные поэты (А. Блок, Н. Гумилев, А. Ахматова, М. Цветаева, С. Есенин, Б. Окуджав и др.), так и замалчиваемые в России до середины 1980-х годов (Дон-Аминадо, А. Галич, В. Шаламов, И. Бродский и др.).

В традиционном литературоведении до перестройки существовала идеологическая оценка личности и творчества того или иного писателя, поэтому многие страницы национально значимого творчества замалчивались. В учебных заведениях обучали литературе по идеологически выдержанным учебникам. Так, Захариева пишет в предисловии: „Усилия талантливых преподавателей предельно сблизить изучаемо-

го писателя с рациональным и эмоциональным миром читателя – в обход учебников – во многих случаях приводили к успешным результатам, и формировалась обширная аудитория подлинных ценителей литературы“.

После перестройки ситуация, оказалась труднее, так как идеологические учебники были отброшены, а хлынувший на читателя поток литературы не смог сразу получить адекватное освещение. Элитарное литературоведение было воспринято только узким кругом специалистов. И.Захариева делает попытку проблемно-тематического аналитического подхода к значимому явлению литературы – с оговариванием специфики дискурса.

И. Захариева стремится глубоко познать разностороннюю практику того или иного творца и таким образом проникнуть в его духовный мир. Целенаправленные анализы легко обозримого объема в своей совокупности обуславливают представление о едином процессе *наращивания*, обогащения универсального эстетического канона, складывающегося стихийно. Читатель труда вслед за исследователем наблюдает зарождение русской литературной классики минувшего столетия в ее совершенных образцах. Внимание привлечено к малоисследованным вопросам творчества русских классических писателей. Проводимый автором проблемно-тематический подход к литературным явлениям предполагает сведение многообразия формосмыслов, привносимого классиками, к познанию синтетической целостности феномена русской литературы XX века.

По мнению И. Захариевой, „Канон – это формообразующее начало в развитии национальной культуры... Канон *порождает* парадигму, т.е. выявленный образец, фиксируемый авторским способом... В области литературы канон связывает прошлое с современностью. А в современности на первый план выступает уровень *словесной реальности*, поначалу не связанной с понятием эстетического образца. Для русской литературы XX века с ее разделением на *печатную* российскую, *эмигрантскую*, литературу *андерграунда*, литературу *задержанную* и пр. национальный эстетический канон играл роль естественного регулятора“.

Каждая статья первой книги имеет четкую композицию: данные об авторе – функционирование творчества – доминирующие темы или мотивы – наиболее характерные элементы поэтики. Это дает возможность постичь тайну творчества того или иного поэта через призму его личности. Таким образом представленное исследование приобретает характер не только узко литературоведческого анализа, но и становится доступным для целей обучения и самоподготовки по русской литературе XX века. Поэты в большинстве случаев поданы с неожиданной стороны, поэтому в книге нет тавтологии или повторения других известных исследований по представленному периоду.

Невозможно обойти вниманием и предисловие к первой книге, написанное Людмилой Савовой. Автор считает, что объединительный центр книги – суть действия „соборного духа, представляющего собой амальгаму творческих индивидуальностей“. Упор делается на христианских образах и религиозных мотивах книги. Предисловие столь оригинально, что его можно рассматривать как отдельную статью в композиции книги.

В центре внимания второй книги исследовательницы – авторы-прозаики или же поэты, обратившиеся к прозе. Так же, как и в первой книге спектр авторов чрезвычай-

чайно широк: В. Брюсов, Д. Андреев, А. Белый, И. Ильф, Е. Замятин, Д. Хармс, В. Шаламов, В. Гроссман, Ч. Айтматов, В. Шукшин, Ю. Нагибин и др.

Каждый писатель рассмотрен не только на проблемно-тематическом уровне, но и сквозь призму его личности, что дает возможность почувствовать его творческое дыхание. Анализ двух статей критика и искусствоведа Петра Бицилли 1930-х годов так же находят место в книге И. Захариевой. Их связь с Болгарией очевидна.

И. Захариева уделяет внимание такому неисследованному в литературоведении жанру, как жанр поэтического некролога о писателе. По ее мнению, из „поэтических некрологов, созданных Анной Ахматовой, Арсением Тарковским и Александром Галичем, составляется общий надгробный литературный текст“. В некрологах преобладает ямбическое звучание стиха, не осложненного формальным экспериментом. Лирика и эпика сплетаются в нерасторжимости воспоминаний и выражения скорбных чувств. „Литературные эпитафии и поэтические аллюзии канонизируют умерших творцов литературы, своевременно не оцененных по заслугам в социуме, где руководствовались идеологическими стереотипами“.

Для приобщения к жанровой разновидности „поэтического некролога о писателе“ объединены авторы с православным (христианским) сознанием, которые воспринимали смерть как метафизическое преобразование личности и верили в обреченность земного зла. В наследии А. Ахматовой, А. Тарковского и А. Галича поэтический некролог занял значимое место. Главная заслуга этого мемориального жанра в восставлении идеи преемственности национальной культуры в памяти потомства.

Жанр романа так же находится в поле зрения И. Захариевой. *Мы* Е. Замятина, *Машенька* Вл. Набокова, *Жизнь господина де Мольера* М. Булгакова, *Доктор Живаго* Б. Пастернака оригинально поданы и рассмотрены с неожиданной стороны. Так, в статье *Социологическая картина мира в романе В. Гроссмана „Жизнь и судьба“* прослеживается следование повествовательной традиции русской классики, связанной с именами Льва Толстого и А.П.Чехова. В художественном мире романиста XX века в образно-пластических формах и в языковой полифонии сконцентрирована авторская мыслительная активность и жажда безграничной духовной и творческой свободы.

В статье *Динамика образной концептуальности в прозе Ч. Айтматова*, проследив путь исканий самого читаемого в мировой аудитории 1980-х годов прозаика (по данным ЮНЕСКО), И. Захариева делает вывод, что Айтматов стал „жертвой образно-стилевой глобальности, что привело к упрощенности литературной мысли, а его инструментарий приблизился к фольклорному типу творчества.“

Малая проза В. Шукшина стала объектом исследования в статье *Заметки о новеллистике В. Шукшина*. На основании разностороннего проникновенного анализа рассказов И. Захариева приходит к выводу, что в словесность 1960-х - начала 1970-х годов, буквально задавленную омертвевшими штампами, проник разговорный народный язык на уровне *автор/герой*. *Шукшинский сказ* – стилевая форма освобождения от идеологической фальши в текущей литературе. В пору увлечения постмодернизмом в российском андерграунде Шукшин оставался верен реалистическим устоям отечественной классики, считая ее самым подлинным выражением национально-духа.

В статье *О русской комедии XX века* выделены жанровые разновидности русской комедии XX века: комедия-пародия (*Багровый остров* М. Булгакова), гротеск-

но-сатирическая комедия (*Клоп* В. Маяковского), „черная комедия“ абсурда (*Елизавета Бам* Д. Хармса), сказочно-сатирическая комедия (*Дракон* Е. Шварца), нравоучительная комедия (*Старший сын* А. Вампилова, *Энергичные люди* В. Шукшина). Опыт внутрижанровой классификации русской комедии советского периода дала возможность исследовательнице охарактеризовать и ее общую структурную модель.

Особо следует выделить статью *Концепты мегаобраза русской литературы (Град Китеж)*. Град Китеж представлен как хранитель русских культурных традиций в эмиграции; это и творчество российских диссидентов, умиравших непризнанными и распознанными лишь потомками. „Под давлением цивилизации новейших времен, – пишет И. Захариева, – торгашеский маскульт надевает личину значительности, происходит подмена ценностных критериев. В дискомфортных условиях подлинная культура опять погружается в таинственные провалы духа, заставляя живущих мечтать о новом обретении великолепного Китежа.“ Завершает книгу статья *Символизм и своеобразие русского реализма XX века*, в которой анализируются эти два метода в русской литературе XX века и проводятся параллели между ними. По мнению И. Захариевой, в течение всего минувшего столетия в русской прозе развивался метапринцип символизации реалистического метода. В оригинальных авторских разработках осуществляется полиморфизм художественного осмысления российского бытия в многообразии нюансов. Используемые рудименты символистского метода в искусстве активизировали возможности смыслового обогащения реализма, сохраняя в долгосрочной перспективе его социальную обусловленность, его философскую и психологическую насыщенность.

Таким образом, умело используя литературоведческий инструментарий, И. Захариева незримо связывает три потока русской литературы XX века: официальную, потаенную и эмигрантскую – в единый общий художественный процесс.

Читателю обеих книг предстоит открыть для себя много нового и неожиданно в традиционном и обычном и насладиться соприкосновению с творческим миром русских писателей и поэтов XX века.

Татьяна Федь

Syntetizující práce o teorii ruského klasicismu

Смирнов, А. А.: Литературная теория русского классицизма. Высшая школа, Москва 2007, 208 с.

Téma ruského klasicismu rozhodně nepatří mezi „hity“ literárních historiků, i když se na literaturu XVIII. století občas odkazují. A zaměřit se na literárněteoretické názory hlavních představitelů tehdejší literatury, to už předpokládá ochotu k systematické práci i trpělivost podstoupit procházení celé řady originálních materiálů a věnovat čas jejich syntetickému zpracování. Právě to však autor recenzované monografie udělal.

Práci začíná Alexandr Andrejevič Smirnov u kořenů teoretických postulátů, na kterých klasicismus vyrůstal – u Feofana Prokopoviče, kterému věnuje první kapitolu (*Предпосылки теории классицизма*). Sleduje v ní názory Feofana Prokopoviče na napodobování a na výmysl, vymyšlení, a to v dvojím smyslu – buď události samé, nebo způsobu jejího vyličení.